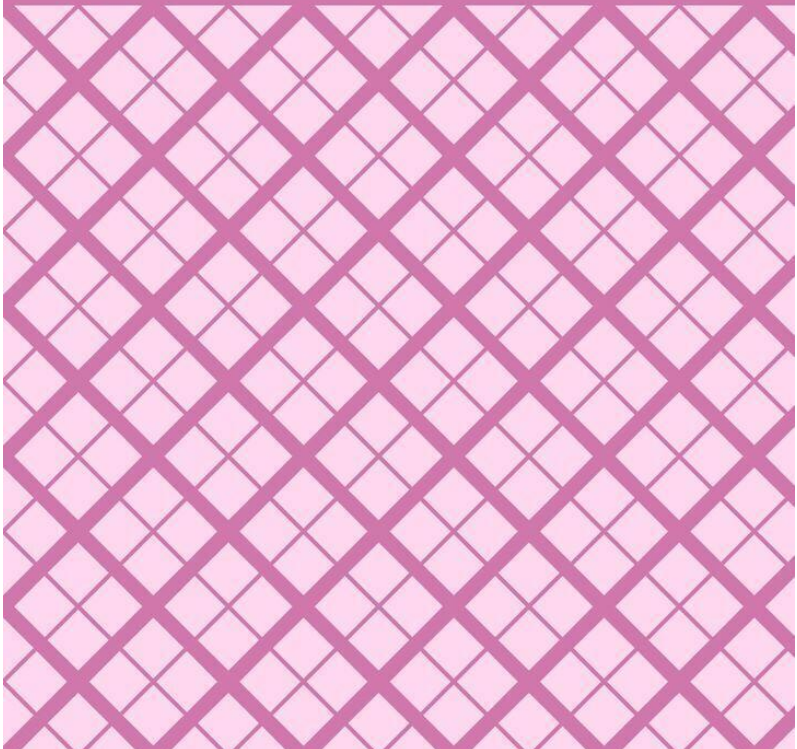
18+

Дмитрий Резниченко

Флотилия суверенов

Введение в прикладную антропологию. Книга 4

Дмитрий Резниченко
Флотилия суверенов

https://litres.ru/74817912
ISBN 9785007155342

Аннотация

Книги серии «Введение в прикладную антропологию» — это инженерия самопознания. В серии продолжают работать аналогии мореплавания.

Вы научились проходить воды Левиафана, не становясь кормом. Но свобода в одиночку — это не свобода. Четвёртая книга серии — о том, что происходит, когда несколько суверенных людей встречают друг друга. Как небольшая сеть когерентных узлов меняет глобальное поле.

Флотилия — содружество капитанов, где каждый держит свой курс, но все идут в одну сторону.

Содержание

Введение в прикладную антропологию 5
Пролог. Одиночество океана и встреча в океане 6
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Флотилия суверенов

Дмитрий Резниченко

© Дмитрий Резниченко, 2026

ISBN 978-5-0071-5534-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение в прикладную антропологию

Книга 4
Флотилия суверенов
Этика и архитектура нового общества

Пролог. Одиночество океана и встреча в океане

Добрый человек не может быть одиноким,
а любящий не может быть несчастным.

В первых трёх книгах мы прошли путь абсолютной индивидуации в инженерном формировании целостности человека как сложного механизма с заданными свойствами и характеристиками. Мы не обездушили человека. Сведя его до уровня машины, но ушли от бессмысленных вздохов и пустых рассуждений о смысле жизни Мы починили свой корабль (книга 1), проложили курс к собственному порту назначения (книга 2) и научились уклоняться от щупалец Левиафана, сохраняя суверенный ниев-домен (книга 3). Мы стали невидимыми для радаров Системы. Мы стали свободными.

Но на этом пути каждого навигатора поджидает одна тихая, экзистенциальная ловушка. Одиночество.

Когда вы перестаёте резонировать с общими страхами, когда вы отказываетесь кормить социальные маятники и эгрегоры, когда ваш словарь и ваша биохимия перестают совпадать с толпой, — вы неизбежно отдаляетесь от «берега». Старые связи, державшиеся на совместном потреблении суррогатов и общем возмущении новостями, тихо отмирают. Вы

остаётесь один на один с океаном.

И именно в этот момент Левиафан наносит свой самый тонкий удар. Он шепчет: «Видишь? Ты стал изгоем. Ты никому не нужен. Твоя свобода — это просто изоляция. Вернись в стаю, там хотя бы тепло».

Человек — существо социальное. Наш корабль спроектирован не для того, чтобы вечно дрейфовать в вакууме. Нам нужны другие корабли. Нам нужен обмен сигналами. Нам нужна совместная навигация. Книга 2 предупреждала: суверен, решивший, что он один, перестаёт быть сувереном и становится островом, а острова Левиафан наносит на карты первыми. В книге 3 мы затронули вопрос о возможности формирования флотилии суверенов — союза без центра и устава, вход в который осуществляется по резонансу, а выход происходит без конфликта. В этой книге раскроем вопрос взаимодействия пробуждённых более подробно с той оговоркой, что это лишь рабочая гипотеза. Я лично пробуждался дважды. В первый раз, в молодости, я был не один и входил во флотилию, но после окунулся в воды Левиафана в неосознанных поисках опыта и способов борьбы с чудовищем. Пробудившись во второй раз в зрелом возрасте после весьма непростых жизненных перипетий, я оказался в море один.

И вот представьте, что, пробудившись и оставшись в бескрайнем океане наедине со своим суверенитетом, однажды вы, всматриваясь в туман, видите на горизонте другой парус.

Вы считываете сигнал. Вы понимаете, что это не пират, не сирена Левиафана и не призрачный галеон чужих иллюзий. Это другой суверен. Человек, который тоже починил свою навигацию, тоже прошёл через кризис масштабирования и тоже выстроил свой интегральный вектор.

Что происходит, когда два суверена встречаются? Как им соединиться, не создав при этом нового Левиафана? Как построить отношения, семью, бизнес или сообщество, которые не превратятся в очередной эгрегор, пожирающий своих создателей?

В этой книге мы перейдём от навигации одиночного плавания к совместной навигации во флотилии.

Заметьте: именно флотилии, а не флота. Флот — это жёсткая иерархия, флагманы, трибуналы и подчинение. Флот — структура Левиафана. Флотилия — добровольное, подвижное, когерентное содружество независимых капитанов, которые плывут в одном направлении, потому что их интегральные векторы совпадают, а не потому, что их сковали одной цепью.

Мы разберём конструкцию истинной близости: чем резонанс отличается от слияния и почему сваренные корпуса тонут при первом шторме. Мы изучим семиотику нового мира: как рождаются символы, которые объединяют, а не порабощают. Мы поймём, как воспитывать детей и строить экономику, не отдавая их на съедение Системе. И мы поднимемся на мета-уровень: как небольшая флотилия когерентных уз-

лов меняет глобальное поле, не сделав ни единого выстрела.

Вы больше не одинокая щепка в бушующем море. Но вы и не винтик нового механизма. Вы — капитан, который учится идти в кильватере с равными.

Поднимайте сигнальные огни. Мы собираем флотилию.

Мост к главе 1. Прежде чем строить содружество, нужно развести два явления, которые в быту сливают в одно: эгрегор, питающийся участниками, и резонанс, питающий их. Глава 1 — физика истинной близости: деструктивная и конструктивная интерференция ниев-доменов, ловушка «духовного эгрегора» и тест, который отличает одно от другого за один мысленный эксперимент.

Глава 1. Резонанс против эгрегора. Физика истинной близости

Мы ищем счастья друг у друга,
При том, бывает, не спросясь,
Что видим в нём, или наивно полагаем,
Что впереди стального плуга
Согретых сердцем устремлений,
Задышит плодородьем грязь
И плуг пройдет мимо камений.

1.1. Деструктивная интерференция: анатомия эгрегора

В книге 3 мы подробно разбирали, как Левиафан исполь-

зует эгрегоры и маятники для сбора энергии, и научились от них отключаться. Но возникает парадокс, без разрешения которого эта книга невозможна: если любое объединение людей создаёт эгрегор, то как суверенам вообще быть вместе? Неужели цена свободы — абсолютный аскетизм и отказ от любой совместной деятельности?

Нет. Ошибка заключается в том, что мы путаем эгрегор и когерентную сеть, или суверенный резонанс. Это две принципиально разные формы взаимодействия энергоинформационных полей, и они подчиняются разным законам физики.

Эгрегор всегда рождается из дефицита и страха. Люди объединяются, потому что поодиночке им страшно, холодно или голодно. Они скидываются своей свободной энергией — теми самыми тридцатью пятью процентами из книги 1, — чтобы создать общий котёл, защитную структуру. Но как только структура формируется, она обретает инстинкт самосохранения: эгрегор понимает, что, если люди станут полностью независимыми и счастливыми, они перестанут его кормить. Поэтому эгрегор всегда работает по принципу деструктивной интерференции и подавления.

Первый инструмент — унификация. Эгрегор стачивает ваши уникальные грани, чтобы вы стали стандартным винтиком. Второй — бинарность. Эгрегор создаёт образ врага — «мы хорошие, они плохие», — и это намертво привязывает вас к структуре через вину и долг. Третий — монополия на истину. Эгрегор запрещает смотреть на другие карты

навигации, кроме собственных, а любое сомнение карается остракизмом.

В отношениях — будь то брак, корпорация или духовная секта — эгрегориальное слияние выглядит так: вы теряете своё «я»; вы начинаете говорить «мы» там, где нужно сказать «я»; вы чувствуете вину за желание побыть одному; ваш партнёр или лидер становится вашим костылём, без которого вы не можете стоять. Это не союз кораблей. Это сплавка двух корпусов в один уродливый плот, который не может маневрировать и тонет при первом же шторме.

1.2. Конструктивная интерференция: физика суверенного резонанса

Суверенный резонанс рождается из избытка и творчества. Два суверена встречаются не для того, чтобы заткнуть дыры в своих корпусах: их корабли целы, их трюмы полны. Они встречаются, потому что их интегральные векторы указывают в одну сторону и вместе они могут создать то, что не под силу одному.

Это работает по принципу конструктивной интерференции — как в лазере, где фотоны движутся синфазно, создавая луч невероятной мощности. Та же энергия, что вразнобой даёт светлячка, в фазе даёт резак.

Признаки суверенного резонанса, по которым он опознаётся телом и журналом, а не восторгом:

— Усиление индивидуальности. Рядом с этим человеком или в этом сообществе вы становитесь больше собой, а не

меньше. Ваш ниев-домен не сжимается, а расширяется: после встречи у вас больше своих слов, своих желаний, своей тишины, а не меньше.

— Свобода выхода. Дверь всегда открыта. Вы можете уйти в любой момент, и никто не будет давить на вашу Анахату чувством вины или угрожать Муладхаре потерей ресурсов. Именно потому, что вы можете уйти, вы остаётесь и творите: выбор, из которого изъяли выход, перестаёт быть выбором и становится пленом.

— Отсутствие общего врага. Вас объединяет не ненависть к Левиафану, не осуждение «спящих», не борьба с системой. Вас объединяет созидание вашего общего порта назначения. Вы смотрите не друг на друга и не на врагов, а в одну сторону: общий враг есть ось маятника, и содружество, собравшееся вокруг врага, есть маятник с красивым уставом.

— Комфортная тишина. Вам не нужно постоянно генерировать слова-паразиты или поддерживать беседу, чтобы заполнить пустоту. Ваши ниев-домены общаются напрямую, на уровне частот. Тишина между вами — не неловкость, а пространство для резонанса: в ней слышно, куда каждый из вас идёт, и это не мешает никому.

1.3. Ловушка «духовного эгрегора»

Самая опасная мутация Левиафана — попытка создать эгрегор пробуждённых. Когда люди начинают читать правильные книги, чистить чакры и говорить о суверенитете, Система мгновенно предлагает им форму: «Отлично! Давайте со-

здадим клуб, школу, закрытый чат, коммуну. Давайте введём правила, иерархию, посвящения». И вот уже вчерашние свободные навигаторы начинают мерить друг у друга «уровень вибраций», спорить, чья йога правильнее, и отлучать от чата тех, кто задаёт неудобные вопросы. Они создали новый маятник. Они думают, что они флотилия, но на самом деле они построили новую тюрьму, просто покрасили её в золотой цвет.

Как распознать духовный эгрегор? По наличию гуру или догмы. Если есть один человек, чьё слово не подлежит сомнению, или один набор практик, объявленный единственно верным, — это эгрегор, каким бы светлым словарём он ни говорил. Суверенная флотилия не имеет флагмана, который отдаёт приказы: в ней есть те, кто идёт первым, прокладывая фарватер, и те, кто идёт следом, доверяя их опыту, но всегда сохраняя право повернуть свой штурвал. Доверие опыту и подчинение слову — разные контракты, и разница между ними видна по одному признаку: в первом случае ваш вопрос приветствуется, во втором — наказывается.

1.4. Семиотика связи: как вы общаетесь без слов

В книге «Путями очевидного» мы разбирали, как рождаются и умирают символы: как утилитарные буквы на броне превращаются в идеологические тотемы, а древние солярные знаки крадутся и оскверняются. Когда два суверена начинают взаимодействовать, они неизбежно создают свою микросемиотику — свой язык, свои шутки, свои символы,

свои имена для общих состояний. Это нормально: это клей когерентности, та самая частная валюта смысла, о которой книга 3 говорила как о праве суверена чеканить свою монету словаря.

Но Левиафан будет пытаться превратить ваши личные символы в догму, и делать это он будет изнутри, руками ваших же друзей: «у нас так принято», «это же наш знак», «ты что, не уважаешь общее?». Отсюда правило семиотической гигиены: никогда не делайте ваши внутренние символы священными. Как только вы начинаете поклоняться форме — ритуалам, специфическим словам, атрибутам вашей пары или группы — вы создаёте идола, а идол всегда требует жертв. Истинные суверены используют символы как инструменты, а не как фетиши: вы можете использовать любые практики, любые слова, любые знаки, но вы не привязаны к ним. Если старый символ перестал работать или был осквернён Системой, вы спокойно отбрасываете его и создаёте новый, не испытывая экзистенциальной боли. Боль при потере знака — не любовь к знаку: это крючок эгрегора, проросший через знак в ваш домен.

1.5. Практика: тест на когерентность

Назначение: отличить суверенный резонанс от эгрегориальной зависимости в паре, дружбе, сообществе.

Время: вечер, десять минут, при каждом сомнении и ежеквартально по всем близким связям.

Порядок:

— Представьте, что человек или сообщество завтра исчезает из вашей жизни навсегда — не умирая, а уезжая на другой континент, и связь обрывается.

— Запишите первое телесное и эмоциональное показание. Не анализ — показание: что первым отозвалось в теле, какой образ встал, какое слово всплыло.

— Разметьте: паника и потеря смысла — зависимость; светлая грусть с целой опорой — резонанс.

— Если зависимость — возврат своих ниевов практиками книг 1—2: аудит желаний, зеркальный тест, возврат суверенитета.

Признак правильности: разлука переживается как погода, а не как катастрофа; связь держится в каждом из участников, а не между ними.

Ошибка: проводить тест головой, а не телом. Голова оправдает любую зависимость формулой «мы же команда». Тело не врёт: оно покажет правду раньше, чем ум успеет её украсить.

Эпилог главы 1. Любовь как высшая форма навигации

То, что мы обычно называем романтической любовью, в большинстве случаев является эгрегориальным слиянием, замешанным на гормонах и детских травмах: попыткой найти половинку, потому что вы чувствуете себя сломанным. Но для суверена любовь — не поиск недостающей детали. Любовь — это высшая форма навигации: состояние, в кото-

ром два целостных, сияющих ниев-домена соприкасаются, и в точке их соприкосновения рождается третий, совершенно новый мир, который не мог бы существовать в одиночку.

Вы не нуждаетесь друг в друге, чтобы выжить. Вы выбираете друг друга, чтобы творить. И это единственный вид связи, который Левиафан не способен переварить, потому что эта связь не генерирует ни страха, ни нужды, ни вины. Она генерирует только свет.

Мост к главе 2. Резонанс отличён от эгрегора, и кажется, что путь открыт: свети и соединяйся. Но здесь пробуждённого поджидает ловушка, обратная одиночеству: желание разбудить тех, кто спит, — и вместе с ним древнейший эгрегор Спасательства, цепляющийся прямо к Анахате. Глава 2 — о том, почему нельзя будить спящих и как любить их, не становясь их костылём и их громоотводом.

Глава 2. Ловушка Спасателя. Почему нельзя будить спящих

Мои пороки — это тень моих добродетелей

2.1. Искушение архетипом спасателя: почему пробуждённые возвращаются

Вы починили корабль, нашли свой порт, выстроили суверенитет. И первое, что хочется сделать, оглядевшись с палубы своего нового состояния, — это броситься спасать остальных. Маму, которая продолжает смотреть новости и бояться. Друга, который третий год жалуется на начальника и ничего не меняет. Коллегу, который заедает тревогу слад-

ким. Человечество, которое, если честно, спасать уже пора, потому что времени осталось мало.

Это желание кажется благородным. Настолько благородным, что мало кто замечает подвох. А подвох здесь серьёзный, потому что за этим желанием стоит не любовь, а один из самых цепких крючков Левиафана, вбитый вам прямо в сердце. Крючок этот называется архетипом Спасателя, и на него ловят именно пробуждённых: спящему он не нужен, спящий и так на месте в своём стойле.

Механика простая. Человек, который только что освободился от боли, страха и бессилия, несёт в себе свежую рану. И когда он видит, что другие сидят в той же яме, из которой он только что выбрался, его сердце сжимается не столько от сострадания к ним, сколько от собственной пережитой боли. Спасая другого, он бессознательно спасает себя прежнего. И это честно, это по-человечески, но это не делает спасение спасением: оно остаётся попыткой дозакрыть свою свежезалатанную дыру чужим пробуждением.

Отсюда первый признак, по которому ловушка узнаётся. Если вы спасаете и вам за это ничего не нужно, даже благодарности, — это служение. Если вы спасаете и вам нужно признание, послушание, «ну скажи спасибо», «ну признай, что я был прав», «ну хоть что-то измени в себе, ну ради меня» — это кормление. Разница между служением и кормлением видна по одному показанию: служение оставляет внутри тишину, кормление оставляет счёт.

Левиафан обожает спасателей, и вот почему. Спасатель — это человек, который добровольно возвращает в систему ту энергию, которую только что из неё вывел, сдаётся властям добровольно. Он уже как бы свободен, но его свобода направлена не на свой порт, а на чужое пробуждение, до которого ему нет дела, потому что пробуждение не работает, если о нём не просят. Спасатель генерирует огромное количество энергии вовне, и энергия эта оседает в эгрегоре Спасательства — одном из самых старых и самых сытых эгрегоров цивилизации. Эгрегор этот не спасает никого: он питается самим процессом спасания, и чем больше вы спасаете, тем больше вокруг становится тех, кого нужно спасать.

2.2. Физика закрытого люка: почему пробуждение нельзя вызвать извне

Теперь о том, почему спасение не работает даже тогда, когда оно искреннее. Здесь нужно сказать одну вещь, которая звучит жёстко, но без которой дальше идти нельзя: пробуждение нельзя вызвать извне. Никак. Ни любовью, ни аргументами, ни личным примером, ни криком, ни уговорами. Это не ограничение метода — это свойство самой конструкции.

Люк сознания закрыт изнутри. Не снаружи, не Системой, не родителями, не обстоятельствами. Изнутри. Спящий — он в подводной лодке и не готов всплывать. Он спит не потому, что его усыпили, а потому, что его ниев-домен ещё не накопил достаточно энергии, чтобы проснуться. Сон в дан-

ном случае — не болезнь и не порок: это защитная конструкция, которая держит корпус целым, пока внутри не наберётся силы на выход. Корпус, у которого люк закрыт, защищён от того, что океан его раздавит раньше времени.

Из этого следует то, что спасателям слышать неприятнее всего. Стук снаружи читается спящим как атака. Чем громче вы стучите, тем крепче он закручивает задрайки. Чем настойчивее вы будите, тем глубже он засыпает. Это не каприз и не глупость: это механика. Энергия, потраченная на стук, идёт не на пробуждение, а на усиление запора. Вы своими руками укрепляете то, что пытаетесь сломать, и платите за это своей свободной энергией, которую Левиафан с благодарностью забирает.

Близкий вам человек пьёт. Вы хотите вывести его из запоя, пробудить к новой или забытой старой жизни, пытаетесь стыдить, взывать к разуму, душе, но этим вы только раззадориваете его зависимость и петля на его шее затягивается крепче.

Спящий просыпается сам, когда накапливает достаточно энергии. Не раньше и не позже. И вот что важно понять до того, как вы снова потянетесь будить: у спящего есть право спать. Право, которое не требует вашего согласия и не зависит от вашего уровня осознанности. Это его корабль, его трюм и его люк, и он закручивает его ровно настолько, насколько нужно для выживания его конструкции прямо сейчас. Ваше представление о том, что ему «уже пора», — это

ваша проекция на чужой курс, а не его реальность.

Оговорюсь, чтобы не было кривотолков: право спать не означает, что нужно безучастно смотреть, как человек тонет на ваших глазах. Если тонет — бросайте круг, это не пробуждение, это спасение на воде, и оно работает по другим законам. Но вытащив из воды, не начинайте учить его плавать против его воли. Мокрых не учат, мокрых сушат, и сушат не лекциями о температуре воздуха, а сухим полотенцем и тишиной.

2.3. Треугольник Карпмана как корм: роли Спасателя, Жертвы и Преследователя

Когда спасание всё-таки начинается, оно почти неизбежно втягивается в структуру, которую психолог Стивен Карпман описал в 1968 году и которая с тех пор носит его имя: треугольник Спасатель — Жертва — Преследователь. Левиафан взял эту модель на вооружение давно и использует её как основную доильную установку в близких связях, потому что установка эта самоподдерживающаяся: её не нужно обслуживать, она обслуживает себя сама.

Спасатель начинает с благородного: «Я помогу тебе, я знаю, как лучше, я уже прошёл этот путь». Жертва принимает помощь, потому что помощь приходит с готовым ответом и снимает с неё ответственность за собственный курс. Преследователь на этой стадии ещё не появился, он ждёт за кулисами. И вот Спасатель вкладывает в Жертву время, силы, внимание, иногда годы. Жертва берёт, потому что ей поло-

жено по роли. А потом наступает момент, когда вложенное не возвращается в ожидаемой форме: Жертва не просыпается, не меняется, не благодарит так, как хотелось бы, или, что бывает чаще всего, начинает жить не по тому сценарию, который ей написали.

И тут роли меняются местами. Спасатель, не получивший возврата, становится Преследователем: «Я на тебя лучшие годы положил, а ты…», «Я для тебя столько сделал, а ты неблагодарный…», «После всего, что я для тебя…». Жертва, почувствовав давление, сама становится Спасателем по отношению к кому-то третьему или Преследователем по отношению к бывшему Спасателю: «Ты меня душишь своей заботой», «Ты меня не понимаешь», «Отстань от меня со своими советами». Преследователь, почувствовав вину, возвращается в роль Жертвы: «Все против меня, я же хотел как лучше». Круг замкнулся, и все три позиции начинают кормить эгрегор по очереди, потому что каждая из них генерирует энергию: Спасатель — энергию превосходства, Жертва — энергию жалобы, Преследователь — энергию гнева.

Самое неприятное свойство треугольника в том, что из него нельзя выйти, оставаясь в любой из трёх ролей, включая роль того, кто «понял, что это треугольник». Понимание само по себе не выводит: выводит только действие. И действие это одно и то же для всех трёх вершин: **перестать играть роль**. Спасателю — перестать спасать без запроса. Жертве — перестать просить там, где можно справиться самому.

Преследователю — перестать наказывать за то, что другой живёт не по вашему сценарию.

Как узнать, что вы в треугольнике? По счёту. Если в отношениях с человеком вы ведёте внутренний бухгалтерский учёт — кто кому должен, кто сколько вложил, кто виноват, кто обязан, — это треугольник. В здоровых отношениях счёт не ведётся, потому что в них нечего считать: есть обмен, а не долг. Оговорюсь: речь не о деньгах и не о договорённостях, речь о внутреннем счёте эмоциональных вложений. Договорённости — это нормально, счёт — это корм.

2.4. Закон суверенного согласия: помощь даётся по запросу

Из физики закрытого люка и механики треугольника выводится один закон, короткий и жёсткий: помощь даётся по запросу. Не по вашему видению нужды, не по вашему сердечному отклику, не по вашему опыту и не по вашей уверенности, что «ему это сейчас нужно больше всего». По запросу того, кому помогают.

Запрос — это открытый изнутри люк. Только в открытый люк свет входит, не выламывая дверь, и только через открытый люк вошедшее не будет воспринято как вторжение. Помощь без запроса не входит: она ломает, и за сломанную дверь платит не тот, кто ломал, а тот, кому сломали. Он платит виной за то, что «не оправдал», долгом за то, что «ему помогли», и обидой за то, что его не спросили. Три платежа, и все три идут в эгрегор, а не в человека.

Различение, на котором держится закон, простое: помощь возвращает силу в руки другого, спасение забирает его руки в свои и держит их навсегда. Помощь отвечает на вопрос, который человек задал: «Как мне сделать это самому?» Спасение отвечает на вопрос, который человек не задавал: «Как тебе надо жить?» Помощь после запроса оставляет благодарность без долга. Спасение без запроса оставляет долг без благодарности, и долг этот превращается в яд медленнее, но вернее любого врага.

Формула, которая держит закон в живом разговоре, звучит так: «Я рядом. Я помогу, когда попросишь. Твой курс — твой». Три предложения, и каждое из них делает свою работу. «Я рядом» — снимает страх брошенности, потому что близость не равна вмешательству. «Я помогу, когда попросишь» — возвращает человеку его люк, потому что запрос будет его, а не ваш. «Твой курс — твой» — снимает с вас обязанность рулить чужим кораблём, а с него — обязанность плыть по вашему маршруту.

Есть одно исключение из закона, и оно узкое: очевидная беда при невозможности запроса. Ребёнок, раненый, человек в остром кризисе, который не способен говорить. И даже в этом исключении мера помощи ограничена выходом из острой фазы: как только люк может открыться сам, помощник отступает в присутствие и ждёт запроса, не достраивая спасение до опеки. Опека взрослого, способного просить, — это то же спасение, только растянутое во времени, и платят

за неё обе стороны одинаково: опекаемый — волей, опекун — свободой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.